блуждающие сны

нальный балет, канадская балетная труппа «Ла-ла-ла — шаги человека», румынский Национальный театр Крайовы, словацкий Национальный театр Мартина, белградский «Открытый театр», ганнский театр пантомимы, труппы из Франции, Швейцарии...

Весьма солидным было представительство нашей страны. Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова показал «Хованщину». В концертном исполнении прозвучали оперы Мусоргского «Борис Годунов», «Женитьба», «Сорочинская ярмарка» и «Саламбо». Прошли концерты оркестра и солистов оперы под управлением главного дирижера театра Валерия Гергиева. «Ленком» привез спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Выступил Симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Юрия Темирканова.

Наконец, состоялось невероятное количество сольных концертов. Но что толку в перечислении, тем более что даже и перечислить всех и вся невозможно. А ведь Эдинбургский международный — это еще и выставки картин и произведений скульптуры, книжные ярмарки, фестиваль джазовой музыки и фильмов!

...Буря, разразившаяся в нашем деле, покачнула и корабль фестиваля. Конечно, он продолжал идти своим курсом, но все же люди испытали шок. «Известие о падении Горбачева потрясло Эдинбургский фестиваль, который, можно сказать, обязан ему своим «сердцем». Это фестиваль после снятия железного занавеса. Только что выступили и уехали Кировская опера и «Ленком», Большая опера только что приехала, а Ленинградский филармонический оркестр прошел половину своего фестивального пути. На этой неделе выступают театры из Румынии, Чехо-Словакии и Польши, на следующей — еще одна труппа из Польши плюс театр из Югославии. Смотря спектакли румынского Национального театра Крайовы, думаешь не только о достижениях Горбачева...» — так начал свои заметки о выступлениях румынских артистов рецензент газеты «Файненшл таймс».

Многие фестивальные события стали восприниматься иначе, чем воспринимались бы, будь все спокойно в Москве. «Безусловно, «Хованщина», показанная Кировской оперой до переворота, сейчас воздействовала бы по-другому, ибо неизбежно возникла бы параллель с нынешними московскими событиями»,— было написано в одной из статей. Название другой, посвященной выступлениям Большого театра и Симфонического оркестра Ленинградской филармонии,— «Русские еще не поверженны».

«Реквием по надеждам Родины» —под таким заголовком вышла в газете «Глазго геральд» рецензия на концерт оркестра Ленинградской филармонии, в котором прозвучал «Реквием» Моцарта. А вот несколько строк из нее: «Когда они закончили играть, в «Геральд» как раз пришло сообщение агентства «Рейтер» о том, что ночное небо Москвы над баррикадами, на которые вышли 20 тысяч сторонников Бориса Ельцина, прорезано трассирующими пулями... Этим вечером музыканты Ленинградского филармонического играли так, будто речь шла об их жизни... Реквием, который мы услышали вчера, прозвучал как никогда современно».

БОЛЬШОЙ

1. ЗА КУЛИСАМИ

Вот уж где пожалевешь, что до сих пор не открылся в Эдинбурге Лирический театр! «Плейхаус», в котором выступает Большой, видимо, как раз из тех помещений, что годами не подвергались реконструкции. Техническое оснащение оставляет желать лучшего, да и сцена куда меньше возможностей и потребностей Большого театра.

Специально к выступлениям на фестивале мастерские ГАБТа изготовили декорации уменьшенного размера. Но и их оказалось не так-то просто приспособить к «предлагаемым» условиям. Установка декораций накануне первого показа и того, и другого спектакля — «Евгения Онегина» и «Ночи перед Рождеством» (каждый прошел по два раза)—затянулась чуть ли не до утра.

То и дело разъясняется и хватается за сердце Валерий Левенталь, художник-постановщик обоих спектаклей,— опять что-то не ладится. В противоположность ему с улыбкой старается преодолевать все трудности технический директор Михаил Курилко-Рюмин и все спрашивает меня: «Ну что вы так печальны?» А я просто поглощена тем, что здесь происходит.

Происходит работа. Как все-таки это здорово, когда от людей требуют работы и они ее делают! Суета. Неразбериха. И все что-то не так. И все в конце концов становится на место. Но и здесь, за кулисами, то не забыто, что и нельзя забыть ни на минуту.

Репетиция идет полным ходом. Надо менять декорации, а рабочие — и наши, и британцы — сгрудились у маленького экрана телевизора. На этом экране, что по соседству с еще одним, показывающим изображение дирижерского пульта, проходят совсем другие картины: взбудораженная ночная Москва, баррикады, плотная кольцо людей вокруг большого белого здания, горящий троллейбус... И артисты торопясь на сцену, тоже бросают свой взгляд сюда. К обычному сопутствующему гастролям волнению примешивается тревога о доме, близких, о будущем.

— Дозвонилась наконец?

— До сих пор нет. Как мама, не знаю. Танки-то, я видела, прямо у нашего дома,— сказала — и пошла на сцену. Спектакль есть спектакль, он должен состояться.

Атмосфера наэлектризована. Не покидает ощущение беспокойства. Но и воздух кулис тоже делает свое дело. Вдыхаешь воздух кулис, запах кулис, пыль кулис и незаметно для себя подпадаешь под власть Театра. И уже слышишь другие речи, видишь иные картины.

— Партия-то малюсенькая, а как я волнуюсь! — и действительно, лица на нем нет.

Татьяна запросто, дружески беседует с Онегиным, а ведь только что была смущена и трепетала. Но вот начинается сцена их драматического объяснения, и оживший Ленский, стоя рядом со мной, внимательно наблюдает ее...

Однако декорации вблизи что-то очень грубы и «матерниалистичны». Надо вспомнить, как они выглядят из зала. Да и сколько можно, в самом деле, подсматривать в замочную скважину!

2. В ЗАЛЕ

Происходит чудо преображения. Реальное становится волшебным, волшебство — реальностью.

— Я знаю все компоненты спектакля, до мельчайших подробностей знаю всю ту огромную работу, что стоит за ним,— говорит директор Большого театра Владимир Коконин,—но, когда я смотрю на сцену, я перестаю понимать, как совершается это чудо, которое называется «оперный спектакль»!

Действительно, так уж оно почему-то получается, что, глядя на сцену из зала, ты забываешь о том, что делается за кулисами. Да и делается ли там вообще что-нибудь, когда ты летним днем в усадьбе Лариной или морозной ночью бродишь по Диканьке...

В обеих операх очень много любви, которая сейчас, когда так неспокойно и тяжело на душе, особенно драгоценна. И оркестр щедро изливает эту любовь. И молодые певцы на сцене влюблены. Замечательно, когда в оперном спектакле любят молодые. Большой часто попрекают тем, что у него нет «звезд». А этих молодых и впрямь не хочется именовать «звездами». Может быть, потому (приходит в голову «нехорошая» мысль), что «звезда» — это понятие где-то и возрастное? Или потому, что ей надобно некое пространство, которого не оставляет «событий», на выполнение общих задач нацеленный ансамбль.

Между прочим, переполненный на «Евгении Онегине» и почти заполненный на «Ночи перед Рождеством» зал разделяет мои чувства. «Певцы великолепные. И как непосредственны, естественны»,— «Потому что они молоды»,— идет рядом со мной обмен мнениями между двумя почтенными дамами. То же сказал мне и г-н Данлоп: «Большой привез замечательных молодых певцов. Мы очень рады представлять их у себя на фестивале. И будем рады еще больше, если наш фестиваль станет для них очередным этапом в обретении мировой известности, которую они, бесспорно, заслужили».

В зале, конечно, тоже помнят о том, что происходит в Москве.

— Тяжело, наверное, — слышу шепот, — выходить на сцену, когда дома такое...

Тяжело. Но на их работе это не отражается.

Перед показом «Ночи» — этот спектакль впервые был вывезен за рубеж — в труппе неоднократно высказывались опасения, что произведение в силу его специфического украинского колорита окажется непонятным публике. Но публика, продемонстрировав свою сообразительность, радовалась и смеялась.

А Маргарет Теджертон, преподаватель кафедры славянских языков университета в Глазго — она была переводчиком у рабочих сцены во время прошлогодних гастролей Большого театра в Эдинбурге и предложила свои услуги и на этот раз — заметила: «Мы, шотландцы, слишком любим все свое национальное — культуру, быт, искусство, чтобы не попытаться понять и полюбить то же у другого народа».

Правда, надо сказать, что на всех представлениях над сценой шли английские титры. Однако на последнем—и, конечно, это была «Ночь перед Рождеством» — компьютер сломался, и надписи так и не появились. Судя по тому приему, который зрители оказали спектаклю, это не выбило их из колеи.

Быль-колядка, ночь — солнце, любовь—коварство, черевички, обворожительная ведьма, черт в мешке, светлый праздник Рождества, победа добрых сил над злыми, веселыми и нестрашными, смех, снег—оркестр и сцена. Одним словом, чудеса—да и только!

Чудо—это событие, которое рождает веру, так писал Бернард Шоу, а событие, рождающее веру, утверждает истину. Истина, которую я собираюсь провозгласить, состоит в том, что искусство утверждает и веру, и любовь, и надежду. Истина из разряда прописных? Разумеется. Но не для того ли мы их так и назвали, чтобы пореже вспоминать? Вы-то сами помните ли? А что касается меня, то я просто хочу сказать, что, когда в августовском Эдинбурге в ночь под Рождество пошел снег, он согрел мое сердце.

3. В ПРЕССЕ

Таков уж протокол, и его не нарушишь — надо отчитаться за своих коллег-журналистов. Пресса была разная. Спектакли Большого и критиковали, и хвалили, причем очень часто высказывались суждения, прямо противоположные.

В отношении «Евгения Онегина» самые большие разногласия вызвала работа режиссера-постановщика. Кто-то назвал ее архаичной, а кто-то расценил как новаторскую.

«Приверженцы традиций могут не беспокоиться. «Евгений Онегин» Чайковского, показанный в среду в театре «Плейхаус», доказывает, что столетие в искусстве не может быть сдвинуто, но сопротивление» («Санди таймс»). Это с одной стороны. С другой: «Постановка Бориса Покровского представляет собой очевидную попытку выйти за рамки традиционного подхода к шедевру Чайковского, но, к счастью, он вовремя остановился и не избежал серьезного разрушения характеров и среды, которой они обязаны своим возникновением». («Скотсмен»).

Некоторые рецензенты заключили, что главной целью постановщиков было проникнуть во внутренний мир Татьяны, увидеть происходящее ее глазами, и отметили, что им удалось достигнуть этой цели. Но у многих вызвала неприятие сцена письма Татьяны. Почему героиня «разгуливала», когда писала? Суть упрека сводилась к тому, что письма «на ходу» не пишут. Право, не знаю, можно ли поручиться, что пушкинская Татьяна усидела на месте, когда писала к Онегину?

«Как «Онегин» мог разочаровать, когда пение большей частью было превосходным и хор продемонстрировал редкостное богатство звучания? Когда исполнение оркестра под управлением нашего доброго знакомого Александра Лазарева сочетало в себе все необходимое изящество с постепенно нарастающей страстью» («Глазго геральд»). Оценка оркестра и хора была практически единодушной.

И массу комплиментов получили певцы, почти все без исключения. Критики отметили сильный голос Нины Раутио (Татьяна) и глубокий, сочный—Елены Зарембы (Ольга), сочли замечательной вокальную технику Владимира Редькина (Онегин), но и Павел Черных в этой роли произвел на них впечатление и своим превосходным вокалом, и элегантностью манер. Аркадия Мишенькина они запомнили как выразительного Ленского и одобрили прием в труппу начинающей певицы Марии Гавриловой, хорошо справившейся с партией Татьяны.

В этот каскад эпитетов попадали и совершенно иные определения, но их было немного. Пожалуй, самое серьезное замечание и в большинстве случаев справедливое, на мой взгляд, артисты получили за недостаточное внимание к актерскому мастерству.

Ну а наиболее «радикальный» вывод сделала газета «Индепендент»: «В день триумфа Бориса Ельцина в Москве русские взяли штурмом «Плейхаус» своим волнующим, умным и трогательным «Евгением Онегиным».

Что касается рецензий на спектакль «Ночь перед Рождеством» (режиссер-постановщик Александр Титель), то в них досталось самому Н. А. Римскому-Корсакову. Отдельные эпизоды оперы вызвали восхищение, но в целом музыка не была одобрена. Что поделаешь, у каждого свои пристрастия. И свой интерес. Например, открывать и прочитывать заново забытые страницы, принадлежащие перу большого мастера.

Недавно на фестивале появилось новшество. Каждую неделю — он длится три — критики присуждают свою награду наиболее значительному событию в том или ином виде искусства. Мнения критиков о спектакле «Евгений Онегин», объединенные в одно, общее, вылились в присуждение Большому театру приза второй фестивальной недели по разделу «Музыка».

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Высоко пронесли знамя отечественного искусства... Достойно представляли свою страну... Невзирая — выполнили свой долг... Эти слова скомпрометированы и отошли в прошлое. А суть? Что ж, ее можно передать и другими словами. Должны были состояться гастроли — и состоялись. Люди сделали свое дело, хоть и делось это нелегко.

То, что показывал экран и писали газеты, было страшно. Прошло три дня, наступило облегчение, но скоро сменилось недоумением — а что же все-таки это было? И тревогой — а что будет дальше? Самолет Аэрофлота совершал свой чартерный рейс по маршруту «Эдинбург — Москва», а я смотрела на артистов и думала: будут ли они любимы?

События развиваются все стремительнее. И многое, ох, как многое непонятно. Чей, например, теперь Большой театр? Кто и как станет заниматься его судьбой? Нелепо, неудобно задавать такие вопросы, когда неясно, будем ли мы все любимы, когда решается судьба народов? Но если выйдет так, что культура, искусство опять будут негламурным, ведь можем и потерять в конце концов свои сокровища. Сколько их мы уже потеряли! А когда закончится разрушение до основания и надо будет созидать, кто тогда поможет?

◇

Все, что я написала, конечно, очень субъективно. Это взгляд оттуда, издалека. А там события воспринимались иначе, чем теперь воспринимаются здесь. Но подправлять свои чувства не хочу. Сейчас я вспоминаю Эдинбург — красивый, светлый, праздничный город. И в памяти моей он освобожден от всякой боли. Потому что мою боль я привезла с собой.

Наталья ШАДРИНА.
ЭДИНБУРГ — МОСКВА.